

В НАЧАЛЕ 1927 года на улицах Саратова появились анонсы с одним словом — «МАЯКОВСКИЙ». Вскоре недоумение горожан рассеяли громадные афиши: «Поэт Владимир Маяковский выступает в зале Народного дворца...».

Поэт приехал 27 января, а на следующий день газета «Саратовские известия» опубликовала статью Н. Архангельского «В. Маяковский в Саратове», в которой были краткая биография и общая оценка творчества поэта. Эту статью Маяковский прочитал в своем номере гостиницы «Астория». Он простудился в дороге и, лежа у окна, глядел на противоположную сторону улицы, где стояла дощатая будка фотографии «Теремок». Тогда-то, видимо, и родились строки:

Легу.
Единственное видеть мог:
Напротив — окошко
в складках холстика —



В. В. МАЯКОВСКИЙ,
1930 год.

«Фотография Теремок,
Т. Мальков
и М. Толстиков»

Фамилии владельцев фотографии поэт передал не совсем верно. Ими были Г. Монин и Ф. Толстиков.

В этот день Маяковский посетили представители местной литературной организации. Один

Две встречи с поэтом

из них — Н. Корольков — впоследствии вспоминал: «Мы решили снарядить к Владимиру Владимировичу делегацию, ознакомить его с положением дел на литературном фронте в городе... Маяковский беспокоила мысль о том, знают ли его в Саратове, много ли народу придет на вечер. Мы заверили поэта, что в Саратове любят и ценят его».

Просторный зал Народного дворца (сейчас здесь Дом офицеров) не смог вместить всех желающих. В первом своем выступлении Маяковский много говорил о поэтическом мастерстве. «Почему, слесарь, например, должен быть подготовлен к своему ремеслу и почему ни один человек не возьмется сдать болта, не будучи мастером,

а писатель может обойтись без всего этого?..» Он был серьезно обеспокоен положением дел в молодой советской поэзии, говорил: «Литературе угрожает опасность, ее захлестывает безграмотность... Человек часто становится писателем еще до написания им книги и «знаменитостью» — по выходе ее».

Вокруг вопроса о стиле, о понимании поэзии Маяковского развернулась горячая полемика. Газета «Саратовские известия» писала: «Один из присутствовавших бросил по адресу Маяковского:

- Ваши стихи непонятны!
- Кто их не понимает?
- Да я, например.
- Хорошо. Стихи должны

быть понятны, но и читатель должен быть понятлив.

— А если вы пишете так, что нельзя понять?!

— Научитесь понимать! Нельзя же так ставить вопрос: если я не понимаю, дурак писатель, а не кто-то другой...

На эстраде появляется рабочий и заявляет:

— В нашем клубе часто читают стихи Маяковского, и рабочие их любят и хорошо понимают».

На второй вечер — 30 января — собралось не меньше слушателей.

Подводя итоги двух встреч с поэтом, губернская газета писала: «Выступление Маяковского — событие в местной культурно-художественной жизни. Мы имели возможность лично слышать крупнейшего и оригинальнейшего поэта нашего времени, большого мастера слова, прокладывающего новые пути в поэзии».

Геннадий МИШИН

гор. ЭНГЕЛЬС,
Саратовская обл.



СЛОВО О ДРУГЕ-ПОЭТЕ

«ОКЕАН БЕСПОКОЙНОЙ ЗЕМЛИ»

Черноморская волна заливает прозрачную синюю берег, белые крылья каштанов уносятся в расцвет и в вечность... Блокадный зал рукоплещет артистам, в студеном январе под фашистскими бомбами провозглашающим здравницу героическому Ленинграду... Могучий корабль пересекает экватор, и молодой матрос поднимает гордый флаг, никогда не склонявшийся перед врагом...

Один человек не может вместить все многообразие мира, но его творчество может отразить его. А ведь творчество поэта — это он сам. И потому разве не прав я, считая почти безбрежными горизонты моего старшего товарища и друга?

Но тогда я должен сказать: Всеволод Азаров — это и ветвь мира в финском дворце Мессухали, где собрались на митинг сторонники мира. Это — и латышские днюны с их лиризмом тихих вечеров и драматической памятью былых трагедий. Это — и память об Эрнсте Тельмане, которому Азаров посвятил свою вдохновенную поэму.

Когда неуваждающая Нина Пельцер танцует «Яблочко» под перестук кронштадтских каблучков, я слышу легендарные мелодии героической комедии «Раскинулось море широко», одним из авторов которой был Азаров.

Все это так, но кто сказал, что творчество поэта — это лишь то, что он пишет? Это — его душа, а ведь она — не только в быстром беге пера, она — и в полноточных беседах с друзьями, и в неустанном стремлении рассказать о них.

И, значит, говоря о Всеволоде Азарове, нужно не в последнюю очередь сказать и о его литературоведческих книгах, анализирующих творчество Всеволода Вишневского и Эдуарда Багрицкого, о его статьях и очерках, воссоздающих широкий и бурный мир его современников.

Среди его героев — писатели Н. Тихонов, А. Прокофьев, Н. Браун, А. Лебедев, Ю. Инге, В. Саянов, И. Зельцер, Вс. Рождественский, Л. Попова. И вос-

поминания о них — не просто дань дружбе и текущему литературному процессу, это — мгновенные протуберанцы душевной отзывчивости. Умирает на корабле от сердечного приступа поэт-моряк Дмитрий Тихонов, и не кто-либо другой, а именно Азаров составляет томик его произведений и пишет к нему предисловие.

А скольким коллективным книгам помог он увидеть свет как составитель или редактор! «Балтийцы» и «Голоса над Невой», «Киров с нами» и «Поэты советской Эстонии», «С Лениным в сердце» и «Знаменосцы мира — коммунисты», «День поэзии» и «Братство»...

Зная широту творческого диапазона В. Азарова, не удивляешься, что он, прежде всего поэт, нашел время и возможность написать книжку о скульпторе М. Аникушине. Все поэты чтят память великого Пушкина, но не все умеют выразить свое уважение развернуто и документально. Всеволод Азаров написал о Пушкине не только стихи, но и посвятил его Псковщине документальную повесть «На берегах Сороти».

Можно вспомнить и тот огонек надежды, на который спешат в уютные комнаты литературных объединений молодые авторы. Непременно так, ибо вместе с Всеволодом Рождественским и Николаем Брауном Всеволод Азаров принадлежит к числу наиболее последовательных, вдумчивых и доброжелательных наставников ленинградской творческой молодежи.

Разве это не счастье — дать путевку в жизнь такому надежному ученику и верному другу, как Вячеслав Кузнецов? Или дать русское звучание эстонским стихам Ральфа Парве? Я уже говорю о переводческой работе, но разве в ней не проявляется широта духовного кругозора и душевной отзывчивости поэта?

Ну, а уж если мы войдем в мир Азарова-переводчика, то не останемся ли там, очарованные, навсегда? Ведь среди переведенных им поэтов такие мастера, как Иван Франко и Эрик

Всеволод
ВИШНЕВСКИЙ
и Всеволод
АЗАРОВ.

Вайнерт, Бертольд Брехт и Иоганнес Бехер, Максим Рыльский, Юхан Сютисте, Эмилиян Буков, Поль Элюар и Юхан Смуул... Но дело не только в переводах, а еще и в том, что Азаров оказывается непосредственно сопричастным жизни Эстонии, Латвии, Украины, посвящает им собственные стихи.

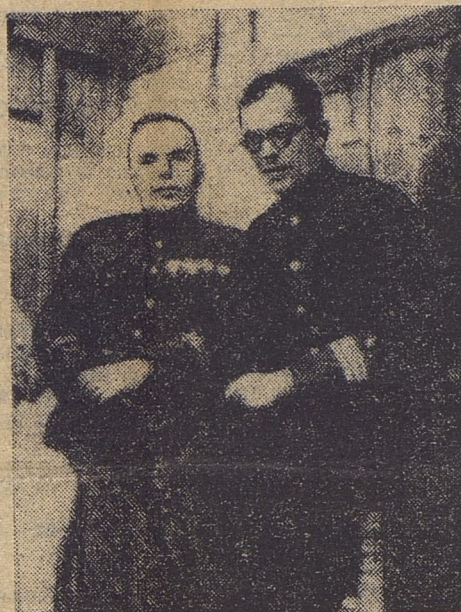
Конечно, прежде всего мне дорог в поэзии Всеволода Азарова образ родного города — Ленинграда. Многих поэтов вдохновлял он, но кто помнит тех, кто светил отраженным светом? У Азарова — своя биография, свой свет, свой Ленинград.

Начинается он юностью поколени, чья дорога в жизнь была дорогой строителей социализма. Ранний Ленинград Азарова — это рабочий Питер, для которого события революции были сегодняшним днем:

Сражались у Двинска
и Гжатска
Путиловцы в грозные дни...

Но в драматических испытаниях они не утратили ощущения жизни. «От ласточек город казался крылатым» — разве не было таким юношески-вдохновенным мировоззрением ровесников Всеволода? И встреча с Эрнстом Тельманом на палубе «Авроры» казалась юноше реальным утверждением мечты интернационального братства:

И Тельман смотрит
долгим взором
На флагов ярких
перенличку,
Он слышит,
как звучит команда,
Как горны медные трубят.



Гремит сигнал
Большого Сбора,
И весь состав
построен личный
На светлой палубе
«Авроры».
«Ты рад, товарищ Тельман?»
— «Рад!»

А потом началась война. Трагические вести с фронтов, бои на Лужском оборонительном рубеже, аэропланы воздушного гражданства и захлебывающийся стук зениток, разрывы вражеских бомб и тревожное спокойствие метронома. Как изменилась жизнь! Но главное осталось неизменным:

Во тьме казалось:
город пуст,
Из громких рупоров —
ни слова,
Но неустанно бился пульс,
Знакомый, мерный,
вечно новый.

История умеет благодарить своих верных сынов. Как бы стремительно ни мчались годы, в летописи Ленинграда навсегда останутся имена его защитников и поэтов суровой блокадной эпохи. Николай Тихонов, Ольга Берггольц, Виссарион Саянов, Вадим Шефнер, Михаил Дудин, Анатолий Чепуров... Поэт Всеволод Азаров стоит в этом ряду.

После войны он побывал во многих странах, и, обобщая свои наблюдения над творчеством поэта, я не могу не отметить широту его интернационального кругозора, в который органично входят и стихи о Германской Демократической Республике. В них мы видим, как наши друзья отмечают в Лейпциге Первое мая... Как над

ЗЕМЛИ»

могилами советских солдат в Трептов-парке грустят русские березы... Об этом писали и другие, но Азаров и здесь сумел найти свои слова:

И в память
их короткой жизни
Здесь пробегал
в стволах берез,
Перенесенных из Отчизны,
Поток невыплаканных слез.

Счет новых лет — это также счет новых походов по просторам Балтики и Тихого океана, новых циклов стихов, статей и книг, новых поездок на творческие совещания и конференции. Большую общественную деятельность ведет Азаров как один из ведущих писателей-маринистов страны.

Роза ветров! Океан
беспокойной Земли!
Холода лютые,
сухое дыхание юга!
Сколько с попутчиком-
ветром мы вместе прошли,
Сильным плечом ощущая
надежного друга.

Вот ведь что главное — сохранить чувство пути. Прямого и целеустремленного, каким бы сложным и трудным он ни был. Честного и искреннего, каким бы испытаниям ни подвергался. А тогда и надежного друга плечо всегда ощутит.

В эти дни В. Азарову исполняется семьдесят лет. Над чем вы работаете сейчас, Всеволод Борисович? Может быть, над новым циклом?.. Или над продолжением лирико-документальной повести о поэте-подводнике Алексее Лебедеве?.. Или хлопотаете о том, чтобы в неприкосновенности осталась историческая реликвия — старый деревянный дом, где в блокадные годы работал трибун Балтики и глашатай Победы, ваш друг Всеволод Вишневский?..

Успеха Вам в новых замыслах и маршрутах!

Владислав ШОШИН

ЛЕНИНГРАД